

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1918](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1918)

Е. В. Тыканова, К. А. Тенишева

ВОСПРИЯТИЕ БЕСПОРЯДКА И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В НОВЫХ ЖИЛЫХ МАССИВАХ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Тыканова Е. В., Тенишева К. А. Восприятие беспорядка и социальный контроль в новых жилых массивах: опыт социологического исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 232—257. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1918>.

For citation:

Tykanova E. V., Tenisheva K. A. (2021) Perception of Disorder and Social Control in the New Condominiums: Results of a Sociological Study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 232–257. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1918>. (In Russ.)

ВОСПРИЯТИЕ БЕСПОРЯДКА И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В НОВЫХ ЖИЛЫХ МАССИВАХ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ТЫКАНОВА Елена Валерьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: elenatykanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

ТЕНИШЕВА Ксения Алексеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель, Департамент социологии, научный сотрудник, Научно-учебная лаборатория «Социология образования и науки», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ktenisheva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9715-8303>

Аннотация. В статье изучается восприятие безопасности, социального и физического беспорядка жильцами, а также возможных предпринимаемых ими форм социального контроля этого беспорядка в двух анклавных соседских поселениях. Опираясь на теоретические основания изучения беспорядка и социального контроля, мы проверили ряд гипотез на материалах анкетного опроса жильцов двух жилых комплексов — «Северная долина» на периферии Санкт-Петербурга и «Семь столиц» в Ленинградской области. Мы рассмотрели связь демографического, социального и экономического состава жильцов с ощущением безопасности; связь ощущения безопасности резидентов с тем, какой

PERCEPTION OF DISORDER AND SOCIAL CONTROL IN THE NEW CONDOMINIUMS: RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY

*Elena V. TYKANOVA*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Associate*
E-MAIL: elenatykanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

*Ksenia A. TENISHEVA*² — *Cand. Sci. (Soc.), Senior Lecturer, Department of Sociology; Research Associate, Laboratory of Sociology in Education and Science*
E-MAIL: ktenisheva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9715-8303>

¹ The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

² HSE University — St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article studies the perception of safety, social and physical disorder by the local inhabitants, and of the forms of social control over this disorder in the two enclave neighborhoods. The authors derived a set of hypotheses from the theoretical propositions regarding the spread of social disorder and social control. The study employs the survey data collected across the inhabitants of two condominiums, «Severnaya dolina» located on the outskirts of Saint Petersburg and «Sem' stolits» located in the Leningrad region. The authors examined the relationship between the demographic, social, and economic composition of the residents and their perceived safety, the connection between the perceived safety of the residents and observation of the

порядок они наблюдают — социальный или физический, а также каково состояние социального контроля в случае правонарушений или нарушений социальных норм.

Методами обработки данных послужили описательная статистика (тест хи-квадрат, t-test, ANOVA) и бинарная логистическая регрессия. В результате мы пришли к выводам, что (1) наличие детей ведет к большей тревожности по поводу безопасности территорий; (2) недостаток мест для безопасных вечерних прогулок, проблемы с преступностью и нарушения общественного порядка снижают субъективную безопасность жильцов; (3) жильцы не различают угрозу от социального и физического беспорядка, для них важно, несет ли нарушение потенциальную угрозу для личной безопасности; (4) серьезные нарушения физического порядка создают общее ощущение нарушения норм разного типа, в том числе в форме преступлений; (5) социальный капитал не связан с местным контролем над беспорядком; (6) готовность к местному контролю связана с воспринимаемой безопасностью только в случае нарушений социального порядка; (7) недостаток публичного контроля (оперативности полиции) может компенсироваться местным контролем со стороны жильцов.

При сопоставлении эффектов было обнаружено, что воспринимаемая безопасность связана с наблюдаемыми нарушениями физического порядка, готовностью отпускать ребенка на прогулку одного, наработанным социальным капиталом резидентов, а также продолжительностью их проживания на конкретной территории.

social or physical order, and the state of social control in case of offenses or violations of social norms.

Descriptive statistics (chi-square test, t-test, ANOVA) and binary logistic regression were used as data processing methods. The authors conclude that (1) having children leads to greater anxiety about the safety of the neighborhood; (2) lack of places for safe evening walks, problems with crime and violations of social order lead to a decrease in the perceived safety of the residents; (3) residents do not distinguish between social and physical disorder, it is important for them whether the violation poses a potential threat to personal safety; (4) serious violations of the physical order create a general feeling of various norms violation, including in the form of crimes; (5) social capital is not associated with local social control; (6) willingness for local control is related to perceived security only in case of the violations of social order; (7) lack of public control (police responsiveness) can be compensated for by parochial control by residents.

When comparing the effects, the authors find that perceived safety is associated with the observed violations of the physical order, the willingness to let the child go for a walk alone, the residents' accumulated social capital, and the length of their residence.

Ключевые слова: социальный беспорядок, физический беспорядок, жилой комплекс, местный контроль, публичный контроль

Keywords: social disorder, physical disorder, condominium, parochial control, public control

Введение

Одним из измерений современной российской субурбанизации является стремительное разрастание на окраинах крупных российских городов новых высотных жилых комплексов, как правило, не выходящих за пределы ценовой категории экономкласса. И. Браде и коллеги описывают последовательные стадии московской субурбанизации, которая началась с возведением дорогостоящих особняков для городских элит в 1990-е годы, далее развивалась по сценарию строительства таунхаусов для молодых семей и развития городов-спутников, застроенных многоэтажным жильем по типу мегагородов, в середине 2000-х и в данный момент представлена ростом высотных жилых комплексов на городских окраинах [Brade, Makhrova, Nefedova, 2014]. В фокусе внимания этой статьи будут находиться именно такие жилые высотные ареалы на окраинах Санкт-Петербурга или расположенные на непосредственной границе с этим городом, которые представляют собой так называемые КОТ — «комплексное освоение территорий». Жилые кварталы по типу КОТ, как правило, реализуются одним застройщиком, который берет на себя обязательства возведения жилых строений, а также налаживания необходимой сопутствующей инфраструктуры. Л. Чернышева следующим образом характеризует КОТ: «Появление проектов КОТ по времени совпало с введением программы „Доступное и комфортное жилье — гражданам России“: проекты позиционировались как жилье экономкласса, недорогие малометражные квартиры, первое жилье для молодежи. Реализованные в этом формате проекты противопоставлялись точечной застройке и предполагали стратегию *greenfield development* — разработку незастроенных ранее территорий, преимущественно на городской периферии» [Чернышева, 2019: 41].

В медийном дискурсе распространено мнение о бесперспективности подобного рода высотного и безликого жилого строительства. Известные публичные лидеры мнений называют такие кварталы будущими «гетто», что, впрочем, не находит прямого подтверждения в рамках социологических исследований (см. подробнее [Чернышева, 2019]). Напротив, вместо присущей для «гетто» разобщенности резиденты новых жилых массивов в той или иной мере склонны к практикам «заботы» об общем пространстве и разнообразным кооперативным коллективным действиям на благо соседского поселения: онлайн, офлайн и в гибридных форматах [Звоновский, Меркулова, 2015; Тыканова, Тенишева, 2020; Чернышева, 2020]. Эти территориальные ареалы компактного расселения горожан могут испытывать множественные проблемы инфраструктурного характера: недостаточная транспортная доступность, отсутствие требуемого количества мест приложения труда, учреждений здравоохранения, торговых зон, школ, детских садов и пр. Между тем, как отмечают М. Линдблад и коллеги, жильцы практически любых соседских поселений всегда озабочены доступом к школам, возможностями для

трудова́й де́ятельности, стоимо́стью сво́ей недви́жимости и т. д., но ничто́ более́ их не беспоко́ит так, как сво́бодная безо́пасность [Lindblad, Manturuk, Quercia, 2013: 123]. Иссле́дованию оце́нок защи́щенности от проти́вопра́вных де́йствий и уров́ня вне́шних, в том числе́ кримино́генных угро́з, разли́чных соци́альных гру́пп в совре́менной Росси́и посвя́щено мно́жество ра́бот (см., напри́мер, [Фро́лова и др., 2015; Ю́дина и др., 2017; Шлы́кова, 2018]). Особо́й интере́с для нас предстáвляет ра́бота П. М. Козы́ревой и А. И. Смирно́ва, направле́нная на изу́чение субъе́ктивной оце́нки «защи́щенности россия́н от угро́з, обусло́вленных кримино́генной обста́новкой в ме́стах их посто́янного про́живания» [Козы́рева, Смирно́в, 2019: 454]. Бы́ло устано́влено, что более́ высо́кая оце́нка тако́й защи́щенности прису́ща мужчи́нам; лю́дям старше́го возрас́та; про́живающим в небольшо́х насе́ленных пу́нктах; гра́жданам с высо́ким уров́нем: матери́ального благо́состоя́ния, соци́ального само́чувствия́ и до́верия к окружа́ющим. Дрúгой немáлова́жный факто́р восприя́тия се́бя в безо́пасности — уров́ень до́верия к правоо́хранительным структу́рам, кото́рый оста́ется ста́бильно́ невысо́ким [Козы́рева, Смирно́в, 2019].

Изу́чение соци́альных пара́метров восприя́тия безо́пасности, вклю́чая соци́альный и физи́ческий беспоря́док, жи́льцами́ анкла́вных сосе́дских посе́лений, а также́ возмо́жных предприни́маемых ими́ форм соци́ального контро́ля это́го беспоря́дка (самосто́ятельные де́йствия́ или обра́щение в поли́цию) — це́ль на́шей ста́тьи.

Соци́альный и физи́ческий сосе́дский беспоря́док

Посто́яльцы́ жи́лых комплексов в проце́ссе их повсе́днего пользо́вания прилега́ющими публ́ичными про́странства́ми (улицáми, скве́рами, про́ездами, дете́скими пло́щадка́ми) могу́т сталки́ваться с разноо́бразными проя́влениями того́, что може́т вызы́вать их беспоко́йство, тре́пет и да́же стра́х, а также́ спрово́цировать огра́ниче́ние сво́боды реализа́ции их практи́к. К тако́м проя́влению́ мы отнóсим то, что в ака́демических ра́ботах авторы́ описы́вают с помо́щью катего́рии сосе́дского беспоря́дка (англ. — *neighborhood disorder*) [Fuster et al., 2015].

Как пра́вило, иссле́дователи́ сосе́дского беспоря́дка разде́ляют его́ на две осно́вные формы́ — физи́ческий и соци́альный беспоря́док. К ключе́вым призна́кам *физи́ческого беспоря́дка* може́т отнеси́ спектр ви́дов уху́дше́ния состо́яния окружа́ющей сре́ды: вандали́зм, граффити́ и тэ́ги на сте́нах сооруже́ний и до́мов, бро́шенные маши́ны, а также́ забро́шенные пу́стующие зда́ния, ви́димое ско́пление́ мусо́ра на улица́х, в том числе́ испо́льзованных игл [Skogan, 1992; Sampson, Raudenbush, 1999; Steenbeek, Hipp, 2011; Fuster et al., 2015]. Р. Сэ́мпсон и С. Ра́уденбу́ш разли́чают *физи́ческий беспоря́док* и *физи́ческий упадо́к*. Тогда́ как физи́ческий беспоря́док проя́вляется́ в ви́де гря́зи на улица́х (мусо́р, разби́тые бутылки́, испо́льзованные презерва́тивы), граффити́, бро́шенных маши́н и пр., физи́ческий упадо́к отнóсится́ скорее́ к структу́рным характе́ристикам состо́яния террито́рии, кото́рые произо́шли в свя́зи с недо́статочными институ́циональными вложе́ниями и имею́т более́ долго́временные э́ффекты. При́мерами физи́ческого упа́дка бу́дут забро́шенные зда́ния, сгоре́вшие жи́лые до́ма, изно́шенная инфра́структу́ра для досу́га и пр. [Sampson, 2009; Sampson, Raudenbush, 2004].

Ина́я форма́ проя́вления беспоря́дка в сосе́дском горо́дском посе́лении — *соци́альный беспоря́док*. Он охва́тывает та́кие явле́ния в горо́дских публ́ичных про-

странствах, как употребление алкоголя, наркотиков, присутствие тех личностей, которые активно беспокоят или даже угрожают горожанам, уличная проституция, продажа наркотиков, драки и иные виды деятельности, создающие у горожан ощущение опасности [Skogan, 1992; Sampson, Raudenbush, 1999; Sampson, Raudenbush, 2004; Sampson, 2009]. К социальному беспорядку исследователи также склонны причислять высокий уровень шума и соседские конфликты [Kleinhans, Bolt, 2014]. Теория социальной дезорганизации отмечает, что социального беспорядка меньше в соседствах, которые отмечены резидентной стабильностью, высоким социально-экономическим статусом, а также этнической гомогенностью жильцов. Это происходит по причине большей развитости в них социальной сплоченности и, как следствие, — социального контроля [Steenbeek, Hipp, 2011: 2].

Мы обратимся к рассмотрению *восприятия* резидентами социального и физического беспорядка территорий изучаемых жилых комплексов, теоретические основы которого представим в следующем разделе.

Восприятие соседского беспорядка

Одинаково ли горожане воспринимают один и тот же наблюдаемый уровень беспорядка? Р. Тэйлор в этой связи утверждает, что объективный беспорядок напрямую не соотносится с субъективным беспорядком жильцов [Taylor, 2001]. Действительно, как отмечают Р. Клейханс и Г. Болт, тогда как признаки беспорядка видны и «объективны», интерпретация этих проявлений горожанами отнюдь не всегда однозначна [Kleinhans, Bolt, 2014: 740]. Подобное видение разделяют и Р. Сэмпсон и С. Раунденбуш: «Восприятие беспорядка социально сконструировано в большей мере, чем обусловлено фактическим уровнем этого беспорядка» [Sampson, Raudenbush, 2004: 323]. Они показывают, что расовая, этническая и классовая композиция соседства (наряду с объективными индикаторами: мусор, разбитые бутылки и пр.) может влиять на восприятие горожанами физического и социального порядка в соседских поселениях. Присутствие на территории соседства темнокожих, а также малообеспеченных резидентов ассоциировано у жильцов с восприятием на этой территории большего физического беспорядка [Sampson, Raudenbush, 2004]. Исследователи показывают, что восприятие беспорядка резидентами одного и того же соседства может различаться, что зависит как от характеристик соседства (как это было показано в исследовании выше), так и от самих индивидов. Возраст, раса, длительность проживания, опыт виктимизации, участие в делах соседства — это те характеристики индивидов, которые могут оказать влияние на «заметность» беспорядка для горожан [Sampson, Raudenbush, Earls, 1997; Sampson, 2009; Zhang, Messner, Zhang, 2017]. Горожане, живущие в социально сплоченных кварталах, как правило, «видят» меньше меньшинств и сообщают о меньшем беспорядке, чем те, кто живет в менее сплоченных соседских сообществах [Wickes et al., 2013].

Согласно мнению Э. Фастера и коллег, как правило, исследователи обращаются к трем различным подходам исследования соседского беспорядка. Первый подход основывается на так называемой объективной перспективе и исходит из информации о соседствах, которую предоставляют государственные или

коммерческие базы данных. Второй, наиболее популярный подход, обращается к изучению восприятия резидентами физических и социальных характеристик их соседского поселения. Третий подход базируется на прямом систематическом обследовании характеристик соседства силами обученных исследователей [Fuster et al., 2015: 82—83]. Р. Сэмпсон и С. Рауденбуш предлагают методологический инструмент для измерения восприятия горожанами социального и физического беспорядка в районе. Он состоит из перечня закрытых вопросов с формулировкой «насколько большой проблемой» они считают мусор, граффити... (категория «Физический порядок»), а также употребление алкоголя, употребление и продажу наркотиков... (категория «социальный порядок»), с вариантами ответов: «большой проблемой», «в некоторой степени проблемой», «не является проблемой» [Sampson, Raudenbush, 2004: 324].

Ограничением эмпирических материалов, на которых основана данная статья, является отсутствие в нашем распоряжении данных государственной или коммерческой статистики, а также обследования физического пространства изучаемых территорий. В рамках нашего исследования мы проанализируем восприятие жильцами изучаемых ЖК уровней социального и физического беспорядка их соседского поселения. Для оценки представлений жильцов о социальном и физическом беспорядке в окрестностях их ЖК мы прибегли к описанной выше методике Р. Сэмпсона и С. Рауденбуша, однако расширили список индикаторов. Мы также планируем обсудить связь субъективной безопасности жильцов с проявлениями социального и физического беспорядка в публичных пространствах их соседских поселений.

Формы социального контроля

При наблюдении социального и/или физического беспорядка резиденты ЖК могут предпринять попытки совладания с ним: либо самостоятельно, либо прибегнув к внешней помощи. Иными словами, осуществить практики социального контроля над территорией.

По мнению А. Хантера, существует несколько уровней социального контроля, среди них:

1) *приватный контроль*, который отмечен персональными связями привязанности и погружен в личные отношения с членами семьи, друзьями и близкими;

2) *публичный контроль*, основанный на гражданских связях и базирующийся на государственных органах (как правило, правоохранительных); он также включает в себя возможность граждан получить доступ к общественным ресурсам, предоставляемым государственными учреждениями по их требованию;

3) промежуточную позицию между приватным и публичным занимает *местный контроль* (англ. — *parochial control*), осуществляемый силами соседей и знакомых [цит. по: Triplett, Gaine, Sun, 2003: 440—441].

Социальная сплоченность знакомых соседей в сочетании с их готовностью вмешаться в разрешение возникающих в их районе проблем обозначается термином «коллективное участие» (англ. — *collective efficacy*). Коллективное участие не всегда подразумевает наличие коллективного действия соседей: жильцы могут и не вмешиваться, но быть потенциально к этому готовы [Sampson, Raudenbush,

Earls, 1997]. Готовность вовлечься в коллективное действие на благо соседского сообщества может зависеть от ряда факторов: налаженные социальные связи (социальный капитал, или «эффект соседства»), генерализованное доверие, общеразделяемые ожидания соседей, продолжительность проживания, собственность на жилье, жилищная стабильность соседства, возраст, раса, этническая принадлежность и социально-экономический статус жильцов [Sampson, Raudenbush, Earls, 1997; Boardman, Robert, 2000; Sampson, 2001; Larsen et al., 2004; Lindblad, Manturuk, Quercia 2013]. Л. Джанг и коллеги на основе исследования китайского опыта восприятия соседского беспорядка выделяют схожие с уже описанными выше формы соседского социального контроля:

- «коллективное участие» — коллективная инициативная деятельность соседей;
- полупубличный контроль — деятельность соседских комитетов;
- публичный контроль — активность районных полицейских участков.

Однако авторы добавляют принципиально новую форму — рыночный контроль, который осуществляется с помощью предоставления жильцам услуг обеспечения порядка по коммерческому контракту [Zhang, Messner, Zhang, 2017].

«Теория разбитых окон» Дж. Келлига и Дж. Уилсона — наиболее известная концепция, описывающая последующие социальные эффекты беспорядка. Согласно их мнению, физический и социальный беспорядок в районе приводят к страху горожан, который парализует их возможную активность для устранения этого беспорядка. Видимый беспорядок также сигнализирует об упадке в квартале социального контроля (со стороны как жильцов, так и полиции), что впоследствии может привести к повышению беспорядка и даже росту преступлений [Wilson, Kelling, 1982]. Одно из следствий теории разбитых окон состоит в том, что усилия полиции, направленные на уменьшение беспорядка, могут привести к усилению неформального социального контроля и в конечном счете предотвратить будущие более тяжкие преступления [Chappell, Monk-Turner, Payne, 2011]. Тем не менее исследование Р. Сэмпсона и С. Рауденбуша показывает, что воспринимаемый беспорядок обусловлен расовым и классовым составом района, а не только визуальными сигналами. В связи с этим попытки уменьшить беспорядок, убирая граффити, собирая мусор и устраняя наркодилеров и уличные банды, не уменьшит восприятие беспорядка и потенциально не повлияет на преступность и благополучие местных жителей [Sampson, Raudenbush 2004: 425]. Впоследствии голландские ученые провели шесть социальных экспериментов по эмпирической проверке теории разбитых окон. В результате этого экспериментального моделирования им удалось установить, что наличие признаков физического беспорядка действительно провоцирует больше случаев отклонений в социальном поведении в сравнении с ситуациями, когда такой беспорядок отсутствовал вовсе. Также авторы операционализировали так называемый эффект кросс-нормального торможения, когда нарушение одних норм влечет к дальнейшему нарушению других, а беспорядок распространяется от одного вида правонарушений к другим [Keizer, Lindenbergh, Steg, 2008].

В нашей статье мы намерены изучить, какое значение воспринимаемый беспорядок имеет для коллективного действия резидентов по его устранению: будут ли соседи при виде беспорядка самоорганизовываться (местный социальный кон-

троль), обратятся ли к правоохранительным органам / управляющей компании (публичный социальный контроль) или же предпочтут бездействие и апатию вкупе с усилением чувства страха?

Важно подчеркнуть, что спецификой изучаемых нами российский жилых комплексов, в отличие от зарубежных аналогов, описанных выше, является отсутствие такого фактора, как расовый состав. Мы предприняли попытку учесть этническое разнообразие резидентов КОТ, однако не получили достаточных данных для полноценной интерпретации значения этого фактора. Тем не менее, вслед за Р. Сэмпсоном, С. Раунденбушем и другими коллегами, мы включили иные параметры, которые в различной композиции могут оказывать влияние на восприятие жильцами КОТ безопасности, социального и физического порядка, а также на осуществление ими социального контроля в пределах их ареала проживания: гендер, возраст, социально-экономический состав, собственность на жилье, участие в делах соседства и резидентная стабильность. Выяснение экономического благосостояния жителей изучаемых нами КОТ — это отдельная и интересная задача, поскольку в данный момент не существует уверенных данных, которые бы описывали эти параметры резидентов анклавных окраинных поселений в субурбанизированных ареалах российских городов. Это позволит обозначить специфику тех КОТ, которые попали в поле нашего интереса, по отношению к уже широко описанным вариантам субурбанизации: «североамериканскому» типу со сравнительно низкоэтажной застройкой и разреженной плотностью заселения из числа представителей среднего и выше класса и так называемому европейскому типу, в котором субурбия зачастую включает семьи рабочего класса и не предполагает дом для отдельной семьи [Harding, Bloakland 2014: 140].

Эмпирические данные и метод

Эмпирическими материалами данной статьи послужили данные уличного опроса жителей двух КОТ («комплексное освоение территорий»): «Северная долина», находящегося на окраине Санкт-Петербурга вблизи последней станции метро Парнас, а также «Семь столиц» — ЖК «Вена» и «Лондон», расположенных в п. Кудрово Ленинградской области, непосредственно рядом с границей Санкт-Петербурга. Опрос проводился в мае 2019 г. среди совершеннолетних резидентов КОТ (допускался опрос подростков от 16 лет — до 5% от общей совокупности). Для сбора данных обследуемые территории были поделены на сегменты с учетом плотности их заселения¹.

В каждом полигоне были опрошены по 15—20 респондентов, проживающих в границах обозначенных сегментов, в зависимости от плотности заселения и соответствующего размера полигона. По причине отсутствия данных о генеральной совокупности жильцов в изучаемых ареалах респонденты отбирались с шагом в пять человек. В том случае, когда на пятый счет интервьюер обращался к нерезиденту КОТ, нерезиденту домов в избранном полигоне или несовершеннолетнему, отсчет начинался заново. Опрос проводился как в будние, так и в выходные дни, в дневное или раннее вечернее время. Таким образом, наша выборка — кла-

¹ Авторы выражают благодарность Татьяне Николаевне Адаменко за подготовку карт, содержащих разметку изучаемых территорий КОТ.

стерная стихийная, совокупный объем включает 405 наблюдений. Выборка была сбалансирована по районам: массив данных составляет 200 опрошенных в КОТ «Северная долина» на Парнасе и 205 — в КОТ «Семь столиц» в Кудрово².

КОТ «Семь столиц» в п. Кудрово Ленинградской области расположено в 2,5 км от конечной станции метрополитена «Улица Дыбенко» г. Санкт-Петербурга и включает: ЖК «Вена», достроенный в 2012 г. (18 новостроек, этажность варьируется от 8 до 25 этажей) и запущенный в эксплуатацию в 2018 г. ЖК «Лондон» (26 корпусов, от 10 до 25 этажей). КОТ «Северная долина» представляет собой 20 кварталов (от 15 до 25 этажей), первая линия домов расположена вблизи конечной станции метро «Парнас», возведение следующих очередей «Северной долины» на момент написания статьи продолжается. Мы выбрали эти два КОТ для нашего изучения в связи с тем, что они оба расположены на периферии Санкт-Петербурга или в непосредственной близости к его административной границе. С другой стороны, для нас были важны различия между этими двумя жилыми ареалами. В частности, регистрация резидентов — в Санкт-Петербурге и Ленинградской области могла сказаться на доступе к публичному контролю правонарушений (оперативное полицейское реагирование). Тогда как различная высотность (и, следовательно, плотность расселения) имеет шансы повлиять на формирование социального капитала жильцов и осуществление ими коллективного действия (местный контроль).

Анкета содержала закрытые (в преимуществе) и открытые вопросы, в общей сложности 36 пунктов. В ней были представлены блоки вопросов, призванные измерить:

1) социальные и пр. характеристики состава жильцов дома: давность проживания респондентов, заселенность квартир в доме и представленность различных категорий проживающих (пожилые, молодые, мигранты и пр.), соотношение собственников и арендаторов в доме, наличие и деятельность проблемных жильцов в доме;

2) социальный капитал жильцов — эффект соседства (англ. — neighborhood effect): узнавание соседей в лицо, частота общения жильцов с соседями по этажу, лестничной клетке и дому, времяпрепровождение в компании соседей, существование клубов по интересам;

3) коллективное участие (англ. — collective efficacy) жильцов: необходимость самоорганизовываться для решения каких-либо проблем, виды этих проблем и успешность действий консолидированных жильцов, деятельность активистов, организация жильцами мероприятий, случаи кооперативной помощи жильцов нуждающимся;

4) оценку социальной и физической безопасности в окрестностях и субъективную безопасность жильцов: безопасность нахождения в публичных пространствах КОТ в дневное и вечернее время, социальные нарушения, преступность и физический беспорядок, реальный опыт столкновения с преступлениями;

5) оценку социального контроля: потенциальное вовлечение жильцов при различных видах правонарушений, соотношение самостоятельных действий (местный

² В данной статье мы будем употреблять названия «Северная долина» и Парнас, а также «Семь столиц» и Кудрово как синонимичные наименования территорий, подразумевая исследуемые КОТ.

контроль) и обращений в полицию (публичный контроль), оперативность осуществления публичного социального контроля;

б) данные о респонденте: профессиональный и семейный статус, наличие детей, уровень образования, оценка материального благополучия домохозяйства, статус владения жильем в КОТ, возрастная группа, пол.

Все использованные нами данные принадлежат НУЛ «Социология науки и образования» НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Авторы статьи являются разработчиками методики проведенного опроса. Методы статистического анализа количественных данных — описательная статистика (тест хи-квадрат, t-test, ANOVA) и бинарная логистическая регрессия. Так как выборки двух КОТ равны по объему и схожи по структуре, никаких дополнительных процедур для коррекции выборки (взвешивания, бутстраппинга) не проводилось. Целью нашей статьи является объяснение социальных параметров восприятия безопасности жильцов анклавных КОТ (учитывая восприятие социального и физического беспорядка), а также ее возможных социальных последствий в виде мобилизации ими социального контроля: местного или публичного.

В нашей статье мы намерены ответить на следующие вопросы:

- как жильцы оценивают безопасность на территории своих КОТ?
- с какими параметрами связана подобная субъективная безопасность жильцов?
- как субъективная безопасность в районе проживания связана с представлениями резидентов о социальном и физическом беспорядке на территории изученных КОТ?
- предпримут ли какие-либо действия соседи, если они столкнутся с определенными типами правонарушений: обратятся ли в полицию (публичный социальный контроль) или же предпримут некие действия самостоятельно (местный социальный контроль)?

Опираясь на наши теоретические ожидания, мы предполагаем, что:

1) давность проживания, социально-экономический состав, пол и иные параметры резидентов связаны с их субъективной безопасностью в пределах КОТ;

2) чем выше проявления беспорядка (в нашем случае — наблюдаемого респондентами), тем ниже субъективная безопасность жильцов;

3) восприятие жильцами потенциальных угроз вследствие наблюдения социального и физического беспорядков различается;

4) более высокий уровень воспринимаемого физического беспорядка на территориях КОТ связан с повышением воспринимаемого уровня социального беспорядка;

5) социальный капитал жильцов, а именно «эффект соседства», положительно связан с местным контролем над нарушениями общественного порядка;

6) готовность жильцов к местному социальному контролю положительно связана с воспринимаемой небезопасностью;

7) местный контроль тем выше, чем ниже оперативность полиции на поступивший от жильцов вызов (публичный контроль).

Ниже мы представим подтверждения или опровержения данным гипотезам на основе анализа наших данных.

Демографический, социальный и экономический состав жильцов

Данный параграф посвящен рассмотрению (в сравнительной перспективе) состава опрошенных жильцов по разнообразным параметрам: длительность их проживания — резидентная стабильность; возрастные характеристики; статус мигранта (приезжего из другой страны); гендер; форма собственности; семейное положение и тип занятости. В дополнение мы обратились к изучению представлений резидентов об их материальном положении, а также в целом о наиболее распространенных в их КОТ формах собственности на жилые помещения и степени их заселения.

На основе полученных данных складывается следующий портрет обоих КОТ и их среднестатистического жителя: это недавно (менее пяти лет назад) заселенные кварталы, большинство домов в которых до сих пор не заселены полностью, в них проживают преимущественно собственники среднего возраста (реже молодежь), состоящие в браке и работающие на момент опроса. Это люди с высшим образованием, оценивающие уровень своего благосостояния как средний. Ниже рассмотрим подробнее состав жильцов и приведем результаты детального сравнения КОТ по этому параметру.

В КОТ «Семь столиц» по сравнению с «Северной долиной» значительно меньше резидентов, проживающих в этом месте более пяти лет: 6,8% против 20% соответственно ($\chi^2 = 22,582$, $df = 4$, $p = ,000^3$). Стоит подчеркнуть, что в Кудрово, по мнению наших респондентов, несколько меньше полностью заселенных домов, чем в Парнасе: 22,4% против 35,5% ($\chi^2 = 9,874$, $df = 3$, $p = ,02$). В то время как число жильцов-мигрантов, приехавших из других регионов, в Парнасе превышает их количество по сравнению с Кудрово ($\chi^2 = 23,745$, $df = 1$, $p = ,000$).

Примерно в 40% случаев респонденты полагают, что в их доме проживает равное количество арендаторов и собственников. случаев, когда арендаторов больше, чем собственников, намного меньше: 18,5%, что оказывается верным для обоих изученных КОТ ($\chi^2 = 9,894$, $df = 5$, $p = ,078$). Опрошенные в 66% случаев отнесли себя к собственникам и в 27,5% — к арендаторам жилых помещений. В остальном же собственниками выступают родственники респондентов — чаще всего родители, а также супруги, сиблинги и проч.

Выборка достаточно сбалансирована по гендеру: 41% опрошенных — мужчины и, соответственно, 59% — женщины. Половину опрошенных (47%) интервьюеры отнесли к средней возрастной категории, еще треть — к молодежи (от 18 до 30 лет), 15% — к пенсионерам и 5% к подросткам (от 16 до 18 лет). Более половины опрошенных (58%) состоят в браке; у 42% есть дети до 16 лет.

Мы также не наблюдаем существенных различий между районами в составе жильцов по типу занятости. В обоих КОТ большинство опрошенных работают (53,8%); еще 15% жильцов учатся; 12% находятся на пенсии, а 10% — в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком ($\chi^2 = 11,328$, $df = 6$, $p = ,079$). Большая часть резидентов имеет высшее образование (56%), у 12% — неполное высшее, 18% получили среднее профессиональное и 13% — среднее образование.

³ Здесь и далее применяется пятипроцентный уровень значимости.

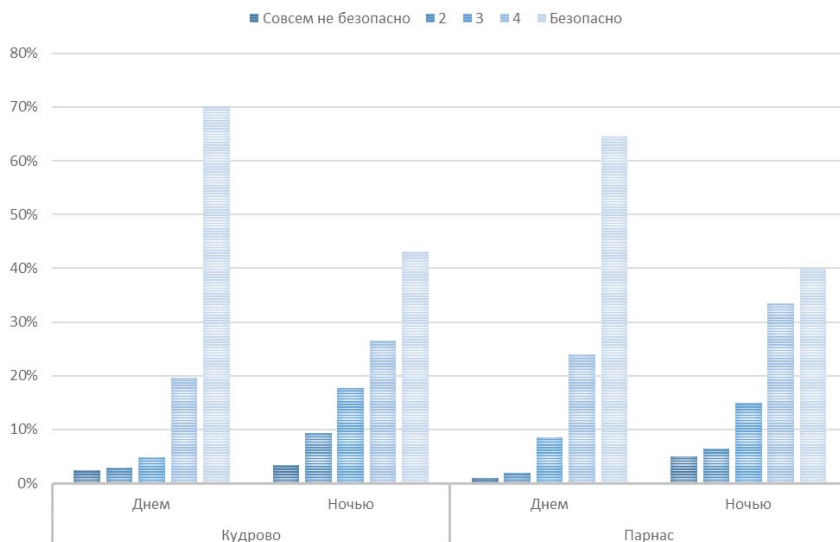
Благополучие большинства опрошенных мы можем оценить как среднее: 48% ответили, что «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, на более крупные покупки приходится откладывать»; еще 38% — что «покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, но не купить квартиру». Тех, кто оценивает свое материальное положение как достаточно сложное («денег хватает только на приобретение продуктов питания») и как очень хорошее («денег достаточно, чтобы вообще ни в чем себе не отказывать»), — практически равное количество: 7% и 8% — соответственно. Различий между КОТ не обнаружено (хи-квадрат = 3,373, $df = 3$, $p = ,338$).

Субъективная безопасность жильцов

В этом разделе мы рассмотрим восприятие жильцами их физической безопасности в районах проживания — субъективную безопасность, а также ее возможную связь с различными характеристиками респондентов.

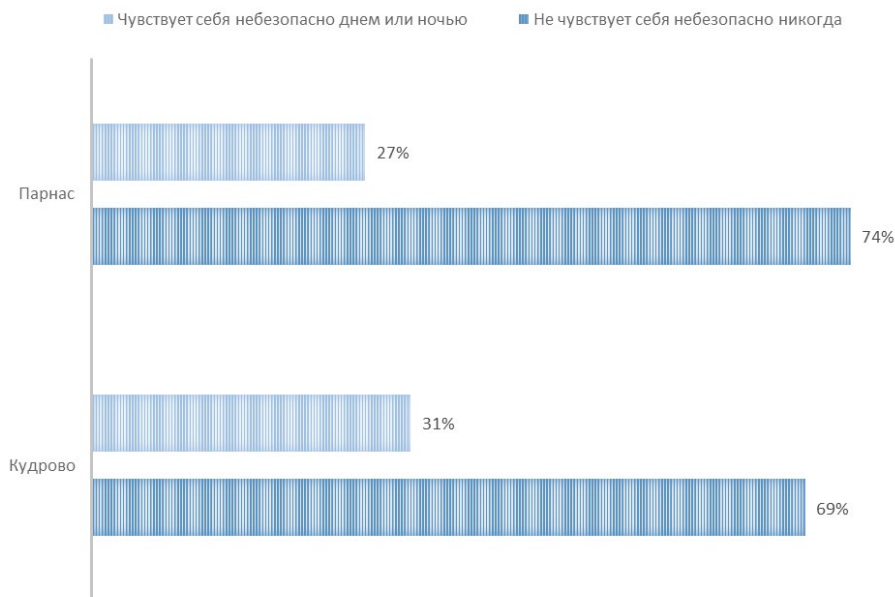
В целом жильцы изучаемых КОТ чувствуют себя вполне безопасно в любое время суток. Больше половины, а именно 67% опрошенных, считают, что в их районе днем абсолютно безопасно, 22% оценили район как «скорее безопасный». Лишь 4% сообщили, что не считают район безопасным, еще 7% выбрали срединный вариант ответа (см. рис. 1). Значимых различий между изученными КОТ мы не обнаружили (хи-квадрат = 4,909, $df = 4$, $p = ,297$).

Рис. 1. Оценка безопасности в своем районе днем и ночью, % от общего числа респондентов в КОТ

В ночное время суммарно 72% оценивают свой район как (абсолютно) безопасный; 21% — как (совсем) небезопасный, и 16% выбирают промежуточную категорию ответа (показатели для обоих КОТ не различаются: хи-квадрат = 3,938, $df = 4$, $p = ,414$).

Рис. 2. Распределение итоговой переменной для оценки воспринимаемой безопасности. Сравнение по КОТ (процент от опрошенных в каждом КОТ)

По причине малого числа респондентов, квалифицирующих свой район как небезопасный, для дальнейшего анализа мы создали новую кумулятивную переменную, дифференцирующую жильцов на тех, кто считает свой район недостаточно безопасным хотя бы в какое-либо время суток, и тех, кто считает район безопасным всегда⁴. В результате ответы с баллом от 1 (совсем небезопасно) по 3 (средний) были объединены в один вариант, а ответы 4 (скорее безопасно) и 5 баллов (абсолютно безопасно) — во второй (см. рис. 2).

Такая стратегия была избрана нами, поскольку мы считаем, что жильцы, которые хотя бы в какой-то мере чувствуют себя в собственном районе небезопасно, будут отличаться от тех, кто ощущает себя в нем достаточно комфортно. Соответственно, нам интересны факторы, связанные с этим чувством относительной (не)безопасности.

Результирующая переменная дает нам следующее распределение респондентов: 71% жильцов всегда чувствуют себя в безопасности; 29% испытывают чувство небезопасности хотя бы иногда (верно для обоих КОТ: хи-квадрат = ,948, $df = 1$, $p = ,330$). Данное обстоятельство статистически не связано с образованием, трудоустройством, материальным и семейным положением резидентов, а также наличием у них детей до 16 лет.

⁴ Следует пояснить, что на этапе предварительного анализа мы не обнаружили различий между теми, кто испытывает чувство небезопасности днем и ночью, что позволяет объединить эти категории для дальнейшего анализа.

Связь субъективной безопасности жильцов с проявлениями беспорядка

В данном параграфе мы оцениваем, как субъективная безопасность в районе проживания, а именно ее восприятие резидентами, может быть связана с их представлениями о социальном и физическом беспорядке на территории изученных КОТ.

Мы выяснили, что жильцы чувствуют себя в меньшей безопасности, если имеют опыт столкновения с преступностью / нарушениями порядка, считают их проблемой в своем районе, а также находят территорию небезопасной (указывают на наличие мест, куда жителям не стоит ходить днем и особенно вечером). Общее ощущение (не)безопасности связано с тем, считают ли жители свой район безопасным для детей и готовы ли отпускать их гулять одних. Наконец, чувство небезопасности присуще тем, кто наблюдает в своем доме/микрорайоне признаки угрозы для себя либо для физического окружения (состояния площадок и т. п.). Признаки нарушения социальных норм, такие как курение в неположенных местах, не связаны с уровнем воспринимаемой безопасности.

Согласно данным опроса, общее ощущение (не)безопасности значимо связано с тем, как жильцы воспринимают свой район: те, кто считает, что в округе нет или почти нет мест, куда не стоит ходить вечером, не испытывают тревоги вовсе (77%). В то же время около половины (52%) резидентов, которые считают, что такие места (очень) многочисленны, испытывают ощущение небезопасности хотя бы изредка (хи-квадрат = 32,864, $df = 3$, $p = ,000$).

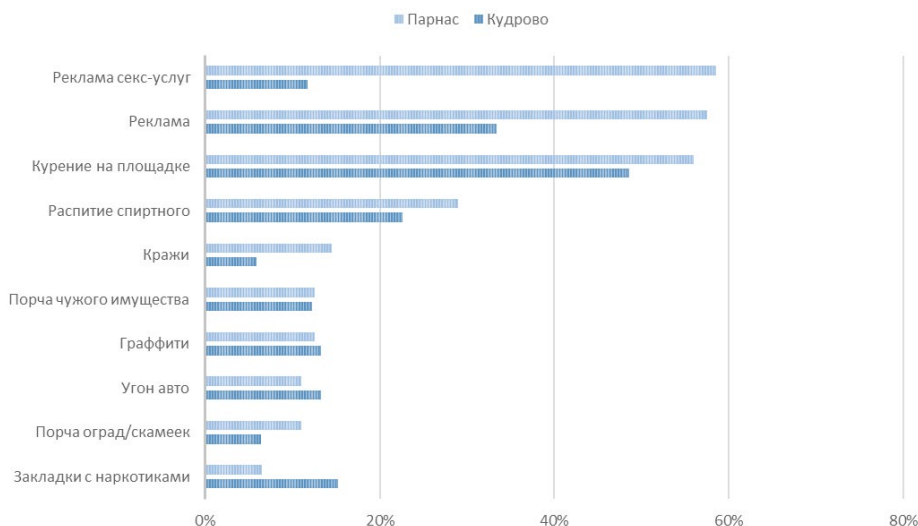
Дополнительным индикатором субъективной безопасности жильцов является вопрос, готовы ли родители отпустить детей гулять одних днем и вечером. Если днем отпустили бы ребенка гулять одного больше половины респондентов (58%), то вечером — только треть. В случае, если респондент испытывает ощущение небезопасности, он отпустит ребенка гулять с еще меньшей вероятностью (47% днем и только 11% — вечером). При этом для жильцов, имеющих детей до 16 лет, контраст только усиливается: днем им не разрешили бы гулять одним 40,5% респондентов, не испытывающих ощущения небезопасности, и 69,9% тех, кто сталкивается с этим чувством (хи-квадрат = 6,556, $df = 1$, $p = ,010$). Вечером не отпустили бы ребенка одного 55,8% и 92,7% родителей соответственно (при этом различие незначимо: хи-квадрат = 2,934, $df = 1$, $p = ,087$). В данном случае мы не можем себе позволить говорить о наличии тех или иных причинно-следственных связей. Скорее, здесь следует ожидать некий эндогенный эффект: общее чувство небезопасности может подпитывать тревогу за ребенка — и наоборот.

Ожидаемо с ощущением небезопасности значимо связана проблематизация преступности: среди тех жильцов, кто воспринимает преступность в своем районе как проблему, лишь 53,5% чувствуют себя в безопасности, в сравнении с 77% среди тех, кто ее не проблематизирует (хи-квадрат = 18,728, $df = 3$, $p = ,000$). Тот же эффект наблюдается и для проблематизации нарушений общественного порядка: те жильцы, которые видят в этих нарушениях проблему, чувствуют себя в безопасности в 1,88 раза реже, чем те, кто такой проблемы не наблюдает (хи-квадрат = 18,578, $df = 3$, $p = ,000$).

Чувство небезопасности также связано и с реальным опытом столкновения с преступностью (к сожалению, исходя из формулировки вопроса, мы не можем

утверждать, что речь идет именно о виктимизации): среди жильцов, не чувствующих себя в безопасности, 24% имели опыт столкновения с преступностью в районе проживания раз в год и чаще. Среди тех резидентов, кто чувствует себя в полной безопасности, с таким опытом мы обнаружили лишь 7% жильцов (хи-квадрат = 10,034, $df = 1$, $p = ,002$). Безусловно, опыт столкновения с преступностью значимо связан с проблематизацией и преступности, и нарушений общественного порядка.

Рис. 3. Распространенность случаев нарушения порядка (процент от респондентов каждого КОТ, ответивших, что сталкиваются с данным нарушением часто/очень часто)

Если посмотреть на связь воспринимаемой безопасности с конкретными типами нарушений социального и физического порядка, с которыми сталкивались наши респонденты (см. рис. 3), мы увидим, что ощущение небезопасности выше у тех из них, кто часто сталкивается со случаями курения (Кудрово; хи-квадрат = 10,252, $df = 4$, $p = ,036$), распития спиртных напитков во дворе (хи-квадрат = 23,815, $df = 4$, $p = ,000$), кражами (хи-квадрат = 25,834, $df = 4$, $p = ,000$), порчей чужого имущества (хи-квадрат = 22,657, $df = 4$, $p = ,000$), порчей скамеек / детских площадок (Парнас; хи-квадрат = 14,996, $df = 4$, $p = ,005$), закладками с наркотиками (Кудрово; хи-квадрат = 21,016, $df = 4$, $p = ,000$). Такой связи мы не обнаружили по параметрам: расклейка объявлений (хи-квадрат = 5,674, $df = 4$, $p = ,225$), в том числе реклама секс-услуг (хи-квадрат = 6,755, $df = 4$, $p = ,149$); нанесение граффити на стены (хи-квадрат = 4,922, $df = 4$, $p = ,295$) и пребывание во дворах бездомных (хи-квадрат = 3,510, $df = 4$, $p = ,476$). Таким образом, мы видим, что не все рассматриваемые ситуации напрямую связаны с воспринимаемой безопасностью, они не представляют потенциальной угрозы здоровью респондентов и не имеют отношения к порче имущества общего пользования. В данной ситуации разделение на социальный (курение, распитие алкоголя) и физический (порча имущества)

беспорядок особенного значения не несет. Жильцы скорее ориентируются на наличие угрозы лично для себя или физического окружения, чем на нарушение социальных норм разных типов, что расходится с мнением К. Кайзера, С. Линдерберга и Л. Стега [Keizer, Lindenberg, Steg, 2008]. Следует отдельно подчеркнуть, что для жильцов закладки с наркотиками часто сопряжены с порчей общего имущества — как на придомовой территории, так и в парадных. На основе имеющихся данных мы не можем дать объяснения такому результату, однако можем предположить, что классификация типов (бес)порядка и, соответственно, норм для современного российского города может отличаться от разработанной для американских условий: жильцы этих кварталов иначе видят допустимое и недопустимое и иначе проблематизируют различные ситуации.

Связь воспринимаемых нарушений с проявлениями социального и физического беспорядка

Мы задали нашим респондентам два вопроса: насколько большой проблемой в своей округе они считают преступность и нарушения общественного порядка (в соответствии с методикой Сэпмсона и Рауденбуша). Анализируя связь этих факторов с типами проявлений беспорядка, с которыми реально сталкивались жильцы, мы можем до некоторой степени реконструировать то, каким образом они категоризируют те или иные типы беспорядка — как преступления или же как нарушения общественного порядка?

Так, жильцы связывают практики курения в публичных пространствах их КОТ (хи-квадрат = 48,409 $df=12$, $p=.000$), так же, как и расклейку объявлений (хи-квадрат = 34,440 $df=12$, $p=.001$), именно с нарушением общественного порядка. Между тем, реклама секс-услуг в Парнасе статистически связана с восприятием нарушения общественного порядка (хи-квадрат = 26,579 $df=12$, $p=.009$), тогда как в Кудрово — с восприятием преступности (хи-квадрат = 22,490 $df=12$, $p=.032$). Более серьезные нарушения физического порядка — кражи, угоны автомобилей, порча чужого имущества — попадают в обе категории: они повышают воспринимаемый уровень как нарушения порядка, так и преступности. В эту же категорию попадает употребление спиртных напитков. Пребывание во дворах бездомных жильцы проблематизируют только в КОТ «Северная долина». Аналогичным образом, этот вид беспорядка оказывается статистически связан с обеими категориями: нарушением общественного порядка и преступностью.

В целом можно заключить, что серьезные нарушения физического порядка создают общее ощущение нарушения норм разного типа (и социальных, и юридических), в то время как нарушения скорее социальные — курение и расклейка объявлений — не связываются с общим представлением о преступности в этом районе. Ранее мы уже продемонстрировали, что именно серьезные нарушения порядка оказываются статистически связанными с большим уровнем воспринимаемой небезопасности.

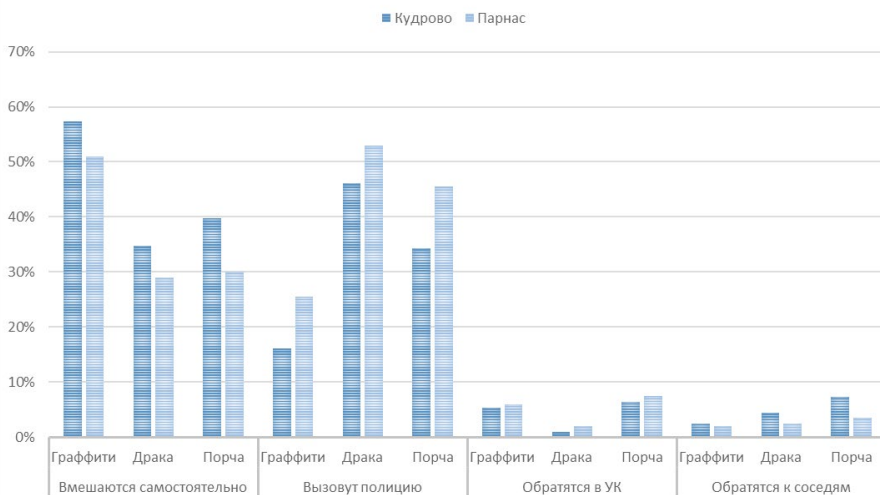
Местный и публичный социальный контроль

В ходе опроса мы выясняли, предпримут ли, по мнению респондента, какие-то действия его соседи, если они столкнутся с определенными типами правонару-

шений. В целом уровень готовности к местному контролю можно оценить как достаточно высокий: респонденты считают, что соседи отреагируют на нанесение граффити в 65 % случаев, на драку — в 67 %, на порчу чужого имущества — в 75 % случаев. Мы видим, что более серьезные правонарушения связаны с несколько большей коллективной действенностью.

Что, по мнению респондентов, готовы предпринять соседи в разных ситуациях? На рисунке 4 показано, что наиболее популярные стратегии — самостоятельное вмешательство и вызов полиции. При этом граффити практически не воспринимается как повод звонить в правоохранительные органы, в то время как порча имущества и особенно драка — весомая причина для звонка. Мы наблюдаем некоторое различие между двумя КОТ: хотя общие тенденции схожи, в Кудрово очевидно меньше шансов (по мнению респондентов), что соседи обратятся в полицию (различие значимо только для ситуации порчи имущества: $\chi^2 = 8,819$, $df = 3$, $p = ,032$).

Рис. 4. Что именно предпримут соседи в разных ситуациях — мнение респондентов, доля от опрошенных в каждом КОТ

Сама по себе готовность к местному социальному контролю практически не связана с воспринимаемой безопасностью: мы обнаруживаем связь чувства небезопасности только с готовностью что-либо предпринять в случае порчи чужого имущества ($\chi^2 = 13,715$, $df = 4$, $p = ,008$).

Примечательно, что местный контроль не связан с большинством типов нарушений физического порядка, но связан с социальным порядком: расклейкой объявлений ($\chi^2 = 16,438$, $df = 12$, $p = ,002$), в том числе реклам о предоставлении услуг интимного характера ($\chi^2 = 16,308$, $df = 12$, $p = ,003$). Можно предположить, что на агрегированном уровне мы могли бы обнаружить связь уровня воспринимаемой безопасности в районе со средним уровнем местного контроля. Однако наши данные не позволяют провести анализ подобного

рода. Вопреки нашим теоретическим ожиданиям мы не смогли обнаружить связи включенности в соседское сообщество (социальный капитал, «эффект соседства») с готовностью к осуществлению местного контроля.

Еще один важный показатель — публичный контроль. В опросе мы измеряли его через вопрос о том, насколько быстро полиция реагирует на вызовы жильцов. Мы обнаружили значимые различия между районами по этому показателю: в Кудрово шансы на приезд полиции оцениваются жителями как намного более низкие, чем на Парнасе, где 55 % респондентов считают, что полиция придет на вызов (довольно) оперативно. В Кудрово так ответили лишь 14 %, а 32,6 % выбрали вариант, что полиция может не отреагировать вовсе (хи-квадрат = 78,130, $df=4$, $p=,000$).

Обнаруживается связь оперативности полиции с проблематизацией преступности и нарушений социального порядка — но это верно только для Кудрово. Те жильцы, которые считают, что полиция может не отреагировать на вызов, чаще называют проблемами преступность (хи-квадрат = 21,900, $df=9$, $p=,009$) и нарушения порядка (хи-квадрат = 20,166, $df=9$, $p=,017$). Этот же тренд нашел отражение и выше: как было показано, в Кудрово жители меньше склонны считать, что в проблемной ситуации соседи вызовут правоохранительные органы. При этом неготовность прибегнуть к помощи полиции компенсируется более высокой готовностью к самостоятельному вмешательству. Мы можем рассматривать этот результат как косвенное подтверждение нашей гипотезы: снижение публичного контроля действительно связано с повышением местного контроля.

Сопоставление эффектов

Для сопоставления обнаруженных эффектов мы построили бинарную логистическую регрессионную модель, предсказывающую чувство небезопасности (см. табл. 1).

Таблица 1. **Бинарная логистическая регрессионная модель, предсказывающая чувство небезопасности в КОТ***

	Зависимая переменная: воспринимаемая (не)безопасность (0 — безопасно, 1 — небезопасно)		
	Отношение шансов	CI	p
(Константа)	0,01	0,00—0,08	<0,001
Кудрово	1,48	0,89—2,48	0,129
Порча оград (иногда, ср.: никогда)	1,68	0,99—2,86	0,056
Порча оград (часто, ср.: никогда)	2,99	1,21—7,45	0,017
Кражи (иногда, ср.: никогда)	1,89	1,11—3,21	0,018
Кражи (часто, ср.: никогда)	3,29	1,25—8,92	0,017
Распитие спиртного (иногда, ср.: никогда)	1,52	0,80—2,94	0,204
Распитие спиртного (часто, ср.: никогда)	3,31	1,64—6,85	0,001
Отпустили бы Вы ребёнка гулять одного во дворе вечером? (нет, ср.: да)	2,95	1,57—5,90	0,001

	Зависимая переменная: воспринимаемая (не)безопасность (0 — безопасно, 1 — небезопасно)		
	<i>Отношение шансов</i>	<i>CI</i>	<i>p</i>
Общаетесь с соседями по этажу (нет, ср.: да)	1,78	1,07—2,98	0,027
Как давно живете в доме? (менее года, ср.: менее полугодя)	0,31	0,09—0,93	0,042
Как давно живете в доме? (1—2 года, ср.: менее полугодя)	0,96	0,42—2,27	0,925
Как давно живете в доме? (2—5 лет, ср.: менее полугодя)	0,70	0,29—1,74	0,439
Как давно живете в доме? (более 5 лет, ср.: менее полугодя)	0,42	0,14—1,22	0,111
Пол (жен., ср.: муж.)	1,48	0,88—2,53	0,143
Оценка мат. положения (3 ср. 2)	1,09	0,42—2,97	0,867
Оценка мат. положения (4 ср. 2)	1,26	0,48—3,51	0,640
Оценка мат. положения (5 ср. 2)	0,77	0,18—3,12	0,721
Есть дети до 16 (нет, ср.: да)	0,68	0,40—1,14	0,146
Observations	398		
R ² Tjur	0,192		

* В скобках указаны референтные категории переменных, с которыми осуществляется сравнение.

Воспринимаемая безопасность значимо связана с факторами физического беспорядка: случаями порчи оград, кражами, распитием спиртных напитков во дворе (но только при наблюдении такого нарушения часто). Также нежелание отпускать ребенка одного гулять вечером является сильным предиктором небезопасности: для тех, кто не отпустил бы ребенка, шансы чувствовать себя небезопасно выше в 2,95 раза. Воспринимаемая безопасность оказывается связана и с одним показателем сплоченности местного сообщества / социального капитала: те, кто не общается с соседями по этажу, имеет более высокие шансы ощущать себя не в безопасности. Наконец, вносит некоторый вклад продолжительность проживания в доме: те, кто недавно переехал (проживает менее полугодя), имеют значимо более высокие шансы испытывать чувство небезопасности — по сравнению с теми, кто прожил от полугодя до года.

Ни район, ни пол, ни материальное положение респондента или наличие у него/ нее детей до 16 лет не оказывают эффекта на воспринимаемую безопасность при контроле по остальным факторам.

Заключение и дискуссия

Мы задались целью изучить восприятие безопасности, социального и физического беспорядка жильцами двух анклавных соседских поселений — жилых комплексов, а также возможных предпринимаемых ими форм социального контроля за наблюдаемым беспорядком. В частности, мы рассмотрели, как демографический, социальный и экономический состав жильцов может быть связан с ощущением безопасности. Нас интересовало, связано ли ощущение безопасности резидентов с тем, социальный или физический порядок они наблюдают и каково

состояние социального контроля (местная и публичная формы) в случае правонарушений или нарушений социальных норм. Опираясь на теоретические основания изучения беспорядка и социального контроля, мы выдвинули ряд гипотез и апробировали их на материалах анкетного опроса жильцов КОТ «Северная долина» у станции метро Парнас на периферии Санкт-Петербурга и КОТ «Семь столиц» в п. Кудрово Ленинградской области. В результате мы пришли к следующим выводам.

1) Предположение о том, что проявления беспорядка ведут к снижению субъективной безопасности жильцов, подтвердилось лишь в ряде случаев. Это верно для тех жильцов, которые заявляют о недостатке мест для безопасных вечерних прогулок, а также о проблемах с преступностью и нарушениями общественного порядка в окрестностях их жилого комплекса. К последним относятся такие действия, как распитие спиртных напитков во дворе, кражи, порча чужого имущества и скамеек / детских площадок («Северная долина»), закладки с наркотиками («Семь столиц»). Между тем нам не удалось обнаружить подобной связи по параметрам: расклейка объявлений, в том числе реклама секс-услуг; нанесение граффити на стены и пребывание во дворах бездомных.

2) Гипотеза, согласно которой жильцы будут по-разному различать угрозы вследствие наблюдения социального и физического беспорядка, не нашла подтверждения в наших данных. Жильцам не так важно, нарушается ли социальный порядок (курение, распитие алкоголя) или физический (порча имущества). Большее значение для них имеет иное обстоятельство: несет ли это нарушение потенциальную угрозу для их личной безопасности.

3) Гипотеза, согласно которой более высокий уровень физического беспорядка на территориях КОТ может быть связан с повышением воспринимаемого уровня социального беспорядка (аналог «теории разбитых окон»), подтвердилась только в случае представлений жильцов о преступности в районе их проживания. Так, серьезные нарушения физического порядка создают у жильцов общее ощущение нарушения норм разного типа, в том числе в форме преступлений.

4) К нашему изумлению, мы не смогли зафиксировать значения социального капитала жильцов в форме «эффекта соседства» для готовности жильцов осуществлять самостоятельные действия по совладанию с нарушениями общественного порядка, то есть местного социального контроля. В то время как в нашем предыдущем исследовании мы наблюдали достаточно высокий уровень соседского активизма (решение поломок в инфраструктуре, благоустройство, взаимопомощь и пр.) в этих же КОТ и обнаружили его взаимосвязь с «эффектом соседства» [Тыканова, Тенишева, 2020].

5) Готовность к местному контролю связана с воспринимаемой безопасностью, но это верно преимущественно для нарушений социального порядка. Тогда как местный контроль статистически не связан с большинством типов нарушений физика.

6) Предположение, основанное на том, что недостаток публичного контроля (оперативности реакции полиции на поступивший вызов) может компенсироваться местным контролем в виде того, что жильцы сами предпочтут вмешаться, подтвердилось. Мы зафиксировали достаточно низкий уровень восприятия публичного контроля в КОТ «Семь столиц», ввиду чего мы, вслед за исследованием

П. М. Козыревой и А. И. Смирнова [Козырева, Смирнов, 2019], можем предположить для данного соседского ареала наличие достаточно низкого уровня доверия к правоохранительным органам.

7) Гипотеза о том, что различные параметры жильцов связаны с их субъективной безопасностью, подтвердилась лишь частично. Мы не обнаружили связи с образованием, трудоустройством, материальным и семейным положением резидентов, в то время как наличие детей ведет к большей тревожности по поводу безопасности изучаемых территорий.

При сопоставлении эффектов мы обнаружили, что воспринимаемая безопасность жильцов связана с наблюдаемыми ими фактами нарушений физического порядка, готовностью отпускать ребенка на прогулку одного, наработанным социальным капиталом резидентов, а также продолжительностью их проживания — резидентной стабильностью.

Результаты нашей статьи во многом согласуются с международным опытом: вслед за [Sampson, Raudenbush, Earls, 1997; Sampson, 2009; Zhang, Messner, Zhang, 2017] мы показали, что воспринимаемая, субъективная безопасность в большой мере связана с опытом виктимизации / столкновения с различными видами нарушений порядка, а также с такой личной характеристикой респондентов, как наличие у них детей и длительность проживания в соседстве. При этом мы не смогли подтвердить одно из главных положений [Sampson, Raudenbush, 2004], согласно которому именно классовая и расовая композиция соседства будет предсказывать уровень субъективной безопасности. Воспринимаемый местными жителями состав их соседей (доля мигрантов, молодых, пожилых, арендаторов/собственников) оказался никак не связан с их чувством безопасности. Мы также не смогли установить связь коллективного участия ни с опытом столкновения с беспорядком, ни с субъективным чувством безопасности.

Мы нашли подтверждение теории «кросс-нормального торможения» [Keizer, Lindenberg, Steg, 2008] и показали, что для наших респондентов нарушение большинства норм вызывает повышение общего восприятия уровня беспорядка и преступности, за исключением курения в публичных пространствах и расклейки объявлений — они ассоциируются исключительно с нарушениями общественного порядка. Также мы видим признаки контекстуального восприятия норм: реклама секс-услуг в КОТ «Северная долина» воспринимается как более легкое нарушение порядка, чем в Кудрово, а пребывание в общественных местах бездомных проблематизируется только в КОТ «Северная долина», и опять же проявляется эффект «кросс-нормального торможения»: его связывают и с нарушением общественного порядка, и с преступностью. То есть индивиды воспринимают что-то как (не)нормальное не только в зависимости от общих представлений о нормах (прескриптивные нормы), но и в связи с контекстом и частотой нарушения конкретной нормы в их окружении (дескриптивные нормы).

Наконец, мы обнаружили связь разных типов социального контроля. В ситуациях низкого (воспринимаемого) публичного контроля со стороны полиции мы наблюдаем более высокую готовность соседей вмешаться в проблемные ситуации самостоятельно («местный контроль»), в то время как в районе с лучше функционирующими правоохранительными органами в более опасных ситуациях соседи

все же предпочитают вызвать полицию, а не действовать самим (стоит помнить, что речь идет о гипотетических, а не реальных случаях). Для детального уточнения этого механизма необходимо собрать больше данных о разных районах города и сопоставить разные формы коллективного участия с качеством публичного контроля.

Мы не можем однозначно утверждать, что полученные нами для двух КОТ результаты распространяемы на все подобные территории страны. Важно подчеркнуть, что новые жилые кварталы с высотной застройкой достаточно гетерогенны и могут существенно различаться между собой по основным показателям (состав жильцов, благоустройство, инфраструктура), что будет сказываться и на том, как жильцы относятся к своей безопасности и оценивают уровень физического и социального беспорядка в районе. Таким образом, мы ожидаем получить подобные результаты для КОТ, сходных с изученными по главным характеристикам: расположенных на границе мегаполиса, предлагающих относительно дешевое жилье в многоэтажных домах разной высотности, не имеющих собственного отделения полиции и заселенных преимущественно работающими людьми, молодежью и молодыми семьями с детьми. Имеющаяся в нашем распоряжении информация о процессах, происходящих в других подобных кварталах, достаточно скудна и требует дополнительных социологических исследований.

Список литературы (References)

Звоновский В. Б., Меркулова Д. Ю. Формы социальной активности в новых территориальных сообществах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. Т. 125. № 1. С. 82—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.1.06>.

Zvonovskii V. B., Merkulova D. Y. (2015) Forms of Social Activity in New Territorial Communities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. Vol. 125. No. 1. P. 82—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.1.06>. (In Russ.)

Козырева П. М., Смирнов А. И. (Без)опасный квартал: как оценивается уровень уличной преступности // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 17 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2019. С. 454—477. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.19>.

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2019) How Dangerous are the Streets in the Neighborhood. In: *Reforming Russia*. Vol. 17. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow: New Chronograph. P. 454—477. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.19>. (In Russ.)

Тыканова Е. В., Тенишева К. А. В плену «эффекта соседства»: социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 7—35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.1>.

Tykanova E. V., Tenisheva K. A. (2020) Trapped by the “Neighborhood Effect”: Social Capital and Activism in the New Enclave Condominiums. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 23. No. 2. P. 7—35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.1>. (In Russ.)

Фролова Е. В., Медведева Н. В., Сеничева Л. В., Бондалетов В. В. Защищенность граждан от преступных посягательств в современной России: основные тенденции и детерминанты // *Всероссийский криминологический журнал*. 2015. Т. 9. № 3. С. 525—537. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).525-537](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).525-537).

Frolova Ye.V., Medvedeva N.V., Senicheva L.V., Bondaletov V.V. (2015) The Security of Citizens Against Criminal Offences in Modern Russia: Key Tendencies and Determinants. *All-Russian Criminological Journal*. Vol. 9. No. 3. P. 525—537. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).525-537](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).525-537). (In Russ.)

Чернышева Л. А. Онлайн и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2020. Т. 23. № 2. С. 36—66. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.2>.

Chernysheva L. A. (2020) Online and Offline Conflicts Around Urban Commons: Caring for Urban Space in the Territory of a Large Housing Estate. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 23. No. 2. P. 36—66. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.2>. (In Russ.)

Чернышева Л. А. Российское гетто: воображаемая маргинальность новых жилых районов // *Городские исследования и практики*. 2019. Т. 4. № 2. С. 37—58. <https://doi.org/10.17323/usp42201937-58>.

Chernysheva L. A. (2019) Russian Ghetto: The Imaginary Marginality of New Housing Estates. *Urban Studies and Practices*. Vol. 4. No. 2. P. 37—58. <https://doi.org/10.17323/usp42201937-58>. (In Russ.)

Шлыкова Е. В. Субъективная оценка личной безопасности как показатель адаптированности к рискогенной среде // *Социологический журнал*. 2018. № 3. С. 56—75. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993>.

Shlykova E. V. (2018) Subjective Assessment of Personal Security as an Indicator of Adaptation to a Risky Environment. *Sociological Journal*. No. 3. P. 56—75. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993>. (In Russ.)

Юдина Т. Н., Фролова Е. В., Танатова Д. К., Долгорукова И. В., Родимушкина О. В. Безопасность личности и виктимные опасения // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. XX. № 1. С. 114—127.

Yudina T. N., Frolova Ye.V., Tanatova D. K., Dolgorukova I. V., Rodimushkina O. V. (2017) Personal Security and Victim Concerns. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XX. No. 1. P. 114—127. (In Russ.)

Boardman J. D., Robert S. A. (2000) Neighborhood Socioeconomic Status and Perceptions of Self-Efficacy. *Sociological Perspectives*. Vol. 43. No. 1. P. 117—136. <https://doi.org/10.2307/1389785>.

Brade I., Makhrova A., Nefedova T. (2014) Suburbanization of Moscow's Urban Region. In: *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Chichester: John Wiley and Sons, Ltd Published. P. 97—132. <https://doi.org/10.1002/9781118295861.ch4>.

- Chappell A. T., Monk-Turner E., Payne B. K. (2011) Broken Windows or Window Breakers: The Influence of Physical and Social Disorder on Quality of Life. *Justice Quarterly*. Vol. 28. No. 3. P. 522—540.
- Harding A., Blokland T. (2014) *Urban Theory: A Critical Introduction to Power, Cities and Urbanism in the 21st Century*. London: Sage. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12241>.
- Keizer K., Lindenberg S., Steg L. (2008) The Spreading of Disorder. *Science*. Vol. 322. No. 5908. P. 1681—1685. <https://doi.org/10.1126/science.1161405>.
- Kleinhans R., Bolt G. (2014) More Than Just Fear: On the Intricate Interplay Between Perceived Neighborhood Disorder, Collective Efficacy, and Action. *Journal of Urban Affairs*. Vol. 36. No. 3. P. 420—446. <https://doi.org/10.1111/juaf.12032>.
- Larsen L., Harlan S. L., Bolin B., Hackett E. J., Hope D., Kirby A., Nelson A., Rex T. R., Wolf S. (2004) Bonding and Bridging: Understanding the Relationship Between Social Capital and Civic Action. *Journal of Planning Education and Research*. Vol. 24. No. 1. P. 64—77. <https://doi.org/10.1177/0739456X04267181>.
- Lindblad M. R., Manturuk K. R., Quercia R. G. (2013) Sense of Community and Informal Social Control Among Lower Income Households: The Role of Homeownership and Collective Efficacy in Reducing Subjective Neighborhood Crime and Disorder. *American Journal of Community Psychology*. Vol. 51. No. 1—2. P. 123—139. <https://doi.org/10.1007/s10464-012-9507-9>.
- Fuster E. G., Gracia E., Miguel J. M. T., López-Quílez A. (2015) Assessing Neighborhood Disorder: Validation of a Three-Factor Observational Scale. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. Vol. 7. No. 2. P. 81—89. <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2015.05.001>.
- Sampson R. J. (2001) Crime and Public Safety: Insights From Community-Level Perspectives on Social Capital. In: Saegert S., Thompson P. J., Warren M. (eds.) *Social Capital and Poor Communities: Building and Using Social Assets to Combat Poverty*. New York: Russell Sage. P. 89—114.
- Sampson R. J. (2009) Disparity and Diversity in the Contemporary City: Social (Dis) Order Revisited. *The British Journal of Sociology*. Vol. 60. No. 1. P. 1—38. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2009.01211.x>.
- Sampson R. J., Raudenbush S. W. (2004) Seeing Disorder: Neighborhood Stigma and the Social Construction of “Broken Windows”. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 67. No. 4. P. 319—342. <https://doi.org/10.1177/019027250406700401>.
- Sampson R. J., Raudenbush S. W., Earls F. (1997) Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy. *Science*. Vol. 277. No. 5328. P. 918—924. <https://doi.org/10.1126/science.277.5328.918>.
- Sampson R. J., Raudenbush S. W. (1999) Systematic Social Observation of Public Spaces: A New Look at Disorder in Urban Neighborhoods. *American Journal of Sociology*. Vol. 105. No. 3. P. 603—651. <https://doi.org/10.1086/210356>.

Skogan W. G. (1992) *Disorder and Decline: Crime and the Spiral of Decay in American Cities*. Berkley, Los Angeles: University of California Press.

Steenbeek W., Hipp J. R. (2011) A Longitudinal Test of Social Disorganization Theory: Feedback Effects Among Cohesion, Social Control, and Disorder. *Criminology*. Vol. 49. No. 3. P. 833—871. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2011.00241.x>.

Taylor R. (2001) *Breaking Away from Broken Windows: Baltimore Neighborhoods and the Nationwide Fight against Crime, Grime, Fear, and Decline*. Boulder: Westview Press.

Triplett R. A., Gainey R. R., Sun I. Y. (2003) Institutional Strength, Social Control and Neighborhood Crime Rates. *Theoretical Criminology*. Vol. 7. No. 4. P. 439—467. <https://doi.org/10.1177/13624806030074003>.

Wickes R., Hipp J. R., Zahnow R., Mazerolle L. (2013) “Seeing” Minorities and Perceptions of Disorder: Explicating the Mediating and Moderating Mechanisms of Social Cohesion. *Criminology*. Vol. 51. No. 3. P. 519—560. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12011>.

Wilson J. Q., Kelling G. L. (1982) Broken Windows. The Police and Neighborhood Safety. *Atlantic Monthly*. Vol. 249. No. 3. P. 29—38.

Zhang L., Messner S. F., Zhang S. (2017) Neighborhood Social Control and Perceptions of Crime and Disorder in Contemporary Urban China. *Criminology*. Vol. 55. No. 3. P. 631—663. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12142>.